

Meander

1898.05
1898 T-28

104.14 N164

792/05

1758
164

Годъ 8-й.

1898 г.

ТЕАТРАЛЪ.

ЧАР-ОКИ, (злой духъ.)

*Восточная легенда въ
5 д. и 6 карт.*

П. Рябова.

ПРИЛОЖЕНИЕ:
На репетиции
рис. ГЮЙО.

Пен. 1898 г. 5-5-ка

Книга 14 им. М. Ю. Вермонтава

№ 164.

НА ЖУРНАЛЪ
„ЧИТАТЕЛЬ“.

Цѣль журнала — доставить подписчикамъ возможность составить за крайне дешевую цѣну

СОБСТВЕННУЮ БИБЛИОТЕКУ.

Въ программу журнала входятъ: а) БЕЛЛЕТРИСТИКА, б) ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ СТАТЬИ, в) КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ и г) СМѢСЬ.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПОМѢЩАЮТСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ: проф. Н. И. СТОРОЖЕНКА, проф. Н. И. ИВАНОВА, гг. А. В. АМФИТЕАТРОВА, К. С. БАРАНЦЕВИЧА, В. Л. ВЕЛИЧКО, проф. Л. Е. ВЛАДИМИРОВА, кн. М. Н. ВОЛКОНСКАГО, Д. ГАРИНА, П. П. ГИЗДИЧА, тн. Д. П. ГОЛНИЦЫНА (МУРАВЛИНА), В. А. ГОЛЬЦЕВА, Е. П. ГОСЛАВСКАГО, А. А. ЛУГОВОГО, Д. П. МАМИНА, В. М. МИХРЕВА, П. М. НЕВЕЖИНА, вл. Н. НЕМИРОВИЧА-ЛАНЧЕНКО, В. А. РЫШКОВА, Н. А. САЛОВА, В. Я. СВЕДОВА, С. Т. СЕМЕНОВА, П. А. СЕРГѢНКО, С. И. СМІРНОВОЙ, К. М. СТАШКОУИЧА, М. К. СѢВЕРНОЙ, проф. К. А. ТИМИРЯЗЕВА, В. А. ТИХОНОВА, С. П. ФИЛИПОВА, В. ФИРСОВА, Авт. П. ЧЕХОВА, профес. А. И. ЧУПРОВА, О. Н. ЧЮМИНОЙ, И. Л. ЩЕГЛОВА, В. Р. ЩИГРОВА, академикъ Н. И. ЗИНКУЛА и др.

ГODOVое ИЗДАНИЕ

ЖУРНАЛА

„ЧИТАТЕЛЬ“

состоитъ изъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА — за годъ 5 Р.

съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Каждая изъ книжекъ „ЧИТАТЕЛЯ“ вмѣщаетъ въ себѣ одно или нѣсколько

ЗАКОНЧЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ. **10 к.**

Каждая книжка обходится при подпискѣ

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится — безъ доставки 2 руб., съ пересылкой — 3 руб., затѣмъ въ 1 февр., 1 марта и 1 апрѣля по 1 руб.

Отдѣльные номера по 20—80 к. съ пересылкой.

Полные комплекты „Читателя“ за прошлые года продаются по 10 руб. безъ перес. и по 14 р. съ перес.

Въ 1898 году изъ журналу **250** снимковъ, отпечатанныхъ въ текстѣ, съ картинъ и портр. выдающихся дѣятелей въ области науки, искусства и литературы. Большинство снимковъ авторскихъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ съ платою за каждый разъ 40 р. за строку, 30 р. за половину, 20 р. за 1/4 строки.

Подписка принимается въ отдѣльные номера продаются въ конторѣ журнала „Читатель“ (Москва, Страстной бул., д. Аделгеймъ), въ отделе печати конторѣ: въ Москвѣ: въ конторѣ гилеогрaфiи Чуковна, Болванъ Дмитровка, съ д., при книжн. маг. „Труды“, Творская ул., у П. П. Вечковской, въ Москвѣ, въ кн. маг. Издиковскаго, въ Харьковѣ, въ складѣ „Всегого Крамъ“, въ Томскѣ и Иркутскѣ, въ кн. маг. Макушевна, Кромѣ того, во всѣхъ книжн. магаз. Вольфа, Душова, Карбаевикова и Створика и въ Ростовѣ-на-Дону, Гласное Агентство. Для юга Россіи и Болгаріи въ кн. магазинѣ Е. П. Раскозова въ Одессѣ.

За редактора А. С. Сергѣевъ.

Издательница О. Н. Куманниа.

792/05 /
17878

85, 334, 32
T 29

Чар-Оки.

(Злой духъ).

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

(Подражаніе Лермонтову).

П. Рябова.

Въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ.

Къ представленію дозволено С.-П.-Б. 14 марта 1898 г.
№ 791—356.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстнаго агента
Общества Русск. Драмат. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Чар-Оки, злой духъ.
Нарсесь, богатый горецъ.
Реисена, его жена
Ашхена | ихъ дѣти.
Манукъ |
Кодратъ, другъ Нарсеса (вдовецъ).
Авгаръ, его сынъ (женихъ Ашхены).
Нина, дочь Кодрата.
Няня, Ашхены.
Отшельникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ горахъ Кавказа.

Къ поэту.

Прости, поэтъ великій, что я къ безсмертному творенію твоему осмѣлился рукою дерзкой прикоснуться и чудной, увлекательной идеѣ придать такую форму, чтобы несчастный меньшій братъ твой, во тьмѣ живущій, не зналъ грамоты, хоть въ слабомъ подражаніи моемъ тебѣ, великій, могъ увидать, какъ въ малой каплѣ, отраженіе луча могучаго живительнаго солнца. Теперь твое великое созданье доступно избраннымъ, а съ перемѣной формы—полетъ могучей мысли родного генія—доступевъ станетъ тысячной неграмотной толпѣ. И счастливъ буду я, когда по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ одною каплей, взятой изъ чистаго источника твоей поэзіи, я пробужу въ несчастномъ братѣ жажду и желаніе познать всю глубину великой силы творчества въ твоихъ созданьяхъ дивныхъ.

КАРТИНА 1-я.

Горное мѣсто. Далѣе видны горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и льдами. Справа небольшой пригорокъ; отъ него идетъ дорога къ рѣшетчатымъ воротамъ и забору, за которыми виденъ садъ Нарсе-са. У самой дороги каменный выступъ. На нижней части его сидитъ Чар-Оки, облокотившись правой рукой на высокую часть выступа, положивъ голову на руку, мрачно смотритъ въ пространство.

Чар-Оки. Какое жалкое, ничтожное созданье весь этотъ крошечный мірокъ, куда я свержень былъ съ небесъ за гордость. Когда Его побѣда завершилась, я думалъ, что смогу сносить иную волю—и покорился. Но нѣтъ, мой непреклоненъ духъ—и эта клѣтка стала мнѣ тюрьмой. Проклятый міръ, проклятая моя работа, проклятое и

самое существованіе, коль власть моя такъ ограничена. О, когда-бъ имѣлъ я мощь и волю прежнюю!.. Съ какой бы силой я ударился объ эти камни, преграждающіе путь къ моей стихіи! Разрушилъ-бы и превратилъ его созданіе въ тотъ первобытный хаосъ, гдѣ все мнѣ поборилось, гдѣ призналъ жизни ненавистной, намекъ матѣйшій на завязь малую я разрывалъ, сжигалъ, топталъ ногами. По огненнымъ бушующимъ волнамъ и вихремъ пронеслся и гулъ и трескъ, вой разыгравшихся стихій моимъ громовымъ ерикомъ заглушалъ. И въ этомъ безконечномъ океанѣ могучей, чудной жизни я одинъ царилъ—и думалъ: «нѣтъ силы равной мнѣ!» И вдругъ увидѣлъ... какъ огненные волны потемнѣли, и какъ все больше, больше стали покрываться пепломъ. Я напрягалъ всю мощь мою, кидался всюду, бился и кричалъ отъ злобы и влокодавшаго громады подымалъ, кружилъ ихъ вихремъ!.. Но чувствовалъ, какъ голосъ мой слабѣлъ предъ этой силой творчества мнѣ неизвѣстной раньше. А между тѣмъ, тотъ пепелъ росъ и росъ и превращался въ твердую кору и влага появилась въ котловинахъ. Тогда и понялъ, что царству моему конецъ, что этой силѣ мнѣ уступить придется, я... уступилъ. Но покориться и признать, какъ я хотѣлъ, иную власть, нѣтъ, никогда!.. Пусть я лишился царства моего и изгнанъ и мнѣ оставлена одна скорлупка эта, что служить мнѣ тюрьмой, пусть будетъ такъ, я побѣжденъ, униженъ, но... И царь!.. И головы моей я больше не склоню предъ этой силой, какъ сдѣлалъ разъ. А злобу, ненависть мою могу и вымещать на этихъ тваряхъ, Имъ созданныхъ изъ праха. Змѣей вползаю я къ нимъ въ сердце и разжигаю страсти. Въ цвѣтокъ душистый превращаюсь и ароматомъ чуднымъ усыпляю душу. Вражду и злобу, ненависть въ душахъ

ихъ возбуждаю, и прахъ ничтожный, умирая, опять становится ничтожнымъ прахомъ. Вѣка проходить, а моя работа всё не даетъ окончить зданья, и я не громко, а трублю мою побѣду. Нѣтъ, хотѣль-бы я однимъ ударомъ прорвать кору земную и огненнымъ потокомъ залить и уничтожить всѣхъ этихъ гадинъ, превративъ все въ прежній хаосъ. Но плѣнникъ я!.. И силы той, которой я владѣлъ—не стало больше. И мечты о жизни прежней, о власти отнятой меня терзають. Тоска, тоска, какъ надоѣло все. Жалка, ничтожна моя работа. Что если-бъ этихъ тварей заставить испытать хоть тѣнь той скуки, пустоты, презрѣнья ко всему, которое испытываю я? Что-бъ случилось съ ними, недотрогами?—Они распались-бы на части иль засыхали понемногу, пока не обратятся въ пепель и не развѣются по вѣтру. А все-таки они счастливѣй!.. Засохнуть, истлѣютъ... И горсточка земли. А я? Нѣтъ срока тлѣнью моему. Мнѣ тлѣть, пока мѣръ не издается. А гдѣ конецъ его. Кто знаетъ, гдѣ конецъ?!.. И злоба, злоба, которой бы хватило на вѣсколько міровъ!.. Вотъ все, что остается мнѣ. *(Пауза.)* Но, кажется, и это единственное чувство я теряю. *(поворачиваетъ голову къ приюрку, идъ видны Авгаръ и Ашхена.)* Вотъ пара юная влюбленныхъ... Невины, какъ агнята, чисты, какъ первый снѣгъ. Сердца наполнены любовью и восторгомъ, а головы набиты вздоромъ... А вѣры, сколько вѣры въ ненарушимость счастья!.. Согласны все... Отцы и мать—и скоро свадьба. Пожалуй и я согласенъ. Противно мнѣ и надоѣло возиться съ ними. *(Авгаръ и Ашхена сходятъ съ приюрка.)*

Авгаръ. Ашхена милая, да что съ тобой?! Сейчасъ была такъ весела, шутила, щебетала, какъ птичка, и вдругъ упала духомъ и замолкла. Унынье не идетъ къ тебѣ. И жаворонку съ его

веселой пѣсней оставалось только завидовать, что и его ты превзошла весельемъ. Скажи мнѣ, что съ тобой?

Ашхена. Я и сама удивлена и не могу понять что сдѣлалось. Когда взошли мы на пригорокъ, точно лучъ какой-то... Или... взглядъ тяжелый, неприятный, мучительный скользнулъ по мнѣ. Не холодь... Нѣтъ... а страшное такое чувство, что передать я не могу. Вдругъ сердце замерло и перестало биться... И грустно, грустно стало на душѣ и страшно какъ-то...

Авгарь. Но почему явилось такое чувство?

Ашхена. Почему?—Если хочешь: мнѣ страшно, и боюсь за наше счастье!—Какъ будто оно отнимется у насъ и бракъ не состоится.

Авгарь. Отнимется?!.. Кто отнимаетъ? Кто подумать смѣетъ у меня отнять тебя?.. Развѣ есть такая сила въ мѣрѣ? Нѣтъ, нѣтъ!.. Боротись за тебя и стану, биться на смерть со всѣмъ, что можетъ преградить намъ путь. Пусть это будутъ люди, звѣри, чудовища. Коль стануть на пути намъ эти горы, что уперлись сѣдыми головами въ лазурь небесную, и ихъ я размечу, разрою, сдвину и отступитъ заставлю. На бой я вызываю всѣхъ этихъ великановъ!.. Пусть шлютъ на насъ вѣками скопленные ледники, я на пути ихъ стану и не позволю волоса коснуться моей невѣсты.. Пусть самъ Чар-Оки.....

Ашхена (испуганно.) Постой, постой, не надо!.. Вѣрю, что любовь твоя такъ страшно напрягаетъ силы и, кажется тебѣ, ты горы сдвинуть можешь. Но оставь, не вызывай того...

Авгарь. Ашхена, подумай, чего ты испугалась?.. Вѣдь сказки няньки, вздоръ и небылица. Ты посмотри, во что ни вѣрять люди, и въ колдуновъ, и въ знахарство. О, какъ-бы я хотѣлъ отъ суетвѣрія тебя избавить (*беретъ ее за руку.*) Мнѣ

больно и обидно за тебя, что ты, такая умница, и вѣришь глупой нянькѣ. Ты знаешь, дѣлше два года и жилъ съ людьми такими, которые всю жизнь свою наукѣ посвятили; наука эта такъ хороша, такъ вѣрно объясняетъ мѣръ, созданный Творцомъ. И многое отъ нихъ узналъ и я. Они мнѣ рассказали, почему и отчего произошли всѣ наши заблужденія и повялъ я—что наша глушь горная, невѣжество ихъ создаютъ, а что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ихъ и быть не можетъ.

Ашхена. Да, да ты говорилъ мнѣ много разъ, я помню. Но оставимъ это. И сама я удивляюсь, почему явилось у меня сомнѣнье. Пройдетъ оно—и стану вѣрить всею силой, что наше счастье вѣчно.

Авгаръ. И вѣрь, и вѣрь, моя безцѣнная, что наше счастье никто отнять не можетъ. Развѣ смерть одна и только.

Ашхена. Когда я слушаю тебя, то всякій страхъ проходитъ и чувствую, случись опасность, то ты увидишь, что съ тобою рядомъ и смерть мнѣ не страшна.

Авгаръ. Не будемъ говорить о смерти, моя Ашхена; лучше станемъ думать о томъ блаженствѣ, которое насъ скоро ожидаетъ!

Ашхена. Однако посмотри, какъ наши всѣ отстали. Мы съ тобою заболтались и не замѣтили, что такъ ушли отъ нихъ далеко. Войдемъ опять туда (*показываетъ на приорокъ.*) А то они не видятъ, куда мы скрылись. (*Входятъ оба на приорокъ.*)

Чар-Оки (*сходитъ съ выступа.*) Мнѣ правится мальчишка этотъ. И какъ увѣренно, съ какимъ нахальствомъ онъ вызываетъ всѣхъ на бой... Даже и меня?!.. Хе, хе! Какой забавникъ. Онъ мнѣ хандру разебилъ. Что-жъ, пожалуй, я принимаю вызовъ и докажу тебѣ, что я умѣю быть признателемъ тому, кто такъ, какъ ты меня развлекаетъ и

отогнать тоску. И я, властитель всей земли и воздуха, пространство такихъ, передъ которыми вы онѣмѣли-бы отъ ужаса, когда-бъ вашъ крошечный умишко могъ себѣ представить только объемъ моихъ владѣній, буду такъ снисходителемъ, что позабочусь самъ съ усердьемъ полнымъ о твоей Ашхенѣ. Все старое наскучило давно, и я придумаю такое... что-бъ заняло меня какъ новость.

Авгарь (*на приюркѣ исчезаетъ.*) Угадай, кто первый покажется изъ за холма?

Ашхена. Конечно, Нина.

Авгарь. Я говорю—Манукъ.

Ашхена. Посмотримъ, чья правда (*смотрятъ.*) Что, что?—вотъ я и угадала. (*Машетъ платкомъ.*) Сюда, сюда, мы здѣсь!..

Авгарь (*идя къ тудѣ-же.*) Вотъ и Манукъ,—немного опоздалъ.

Ашхена (*говоритъ еще не вошедшимъ Нинѣ и Мануку.*) А мы сейчасъ гадали, кто первый выйдетъ на дорогу, и угадала я.

Нина (*подошла къ нимъ и всѣ сходятъ съ приюрка.*) А вы на что гадали?

Ашхена. Да ни на что, а просто хотѣлось знать, кто угадаетъ.

Манукъ (*сходитъ къ нимъ съ приюрка.*) Ну, друзья мои, какого старика встрѣтили мы въ ущельи—такихъ я, право, никогда не видывалъ! Должно-быть, лѣтъ больше ста ему, но лицо, глаза какіе!—Когда онъ смотритъ на тебя, то такъ и кажется, что знаетъ онъ и то, что думаешь-то ты.

Авгарь (*шутливо Ашхенѣ.*) Вотъ видишь, какого старика нашли, что даже мысли узнаеть. Манукъ, тебѣ-то, право, стыдно, вѣдь ты мужчина!.. Ужъ предоставь старухамъ вѣрить въ этотъ вздоръ.

Манукъ. Ну, милый, погоди шутить, увидишь самъ, тогда заговоришь другое. Онъ о тебѣ и говорилъ.

Авгарь. Обо мнѣ!—А почему меня онъ зизеть?

Манукъ. Вотъ это и задача. Онъ съ твоимъ отцомъ бесѣду велъ. Жалѣлъ тебѣ и обѣщаль увидѣться съ тобой и дать совѣтъ какой-то.

Авгарь (*саркастически.*) Въ совѣтахъ не нуждаюсь, а что жалѣлъ меня—скажу—напрасно. (*Беретъ за руку Ашхену.*) Завидовать мнѣ можно, а жалѣть нельзя. Да, друзья мои, наше счастье упрочено. Еще немного дней пройдетъ, и мужъ моей Ашхены, она моя жена. Какого счастья еще, и какъ намъ не завидовать.

Нина. А все-таки я не совѣтую шутить надъ старикомъ. Дѣйствительно въ немъ есть такое что-то... Чудесное.

Авгарь. Сестра, оставь ты чудеса. Вѣдь это, право, глупо. (*Мануку.*) О чемъ онъ говорилъ съ отцомъ?

Манукъ. Жалѣлъ, что ты неостороженъ, горячь, и многому не вѣришь, и говорилъ онъ это такъ, какъ будто-бы оправдываль тебѣ. Упоминаль о духѣ злобы, что нужно остеречься, усердною молитвой можно избѣжать его сѣтей...

Авгарь (*смѣясь.*) А-а!... Теперь я понимаю! Вашъ старикъ съ чудесными глазами задумаль у меня на свадьбѣ пировать, а, какъ понасть въ богатый домъ, не зналь. И вотъ, явилась рѣчь о духѣ злобы, котораго никто другой, а только онъ способенъ покорить и обезвредить. Давно я слышалъ эти сказки и новаго старикъ вашъ не придумаль. Смѣшно все это, право.

Ашхена (*безпокойно.*) Какъ неприятно мнѣ, что ты такъ шутишь!.. Мнѣ просто какъ-то страшно за тебя и за себѣ.

Авгарь (*беретъ ея руку.*) Ну, полно, полно, успокойся, не буду больше. Даже обѣщаю, если мнѣ придется увидать его, то буду съ нимъ внимательнымъ, серьезнымъ.

Входятъ съ приюрка Кодратъ и Нарсесъ.

Кодратъ. Куда вы скрылись, дѣти?—А мы присѣли отдохнуть въ ущельи—глядимъ—а васъ ужъ нѣтъ.

Авгаръ. Мы шли впередъ и не замѣтили, какъ очутились здѣсь.

Нарсесъ. А жаль, что не видали старика!.. Отшельникъ, что-ли, онъ какой!..

Авгаръ. Мы слышали, намъ говорилъ Манукъ. (*Отъиу.*) Онъ что-то обо мнѣ тебѣ рассказывалъ?

Кодратъ. Послѣ, послѣ, потомъ поговоримъ.

Авгаръ. Мнѣ сказали, что меня онъ видѣть хочетъ?..

Кодратъ. Онъ велѣлъ, чтобъ ты пришелъ къ ущелью сегодня или завтра. И ты пойдешь... Я этого желаю.

Авгаръ. Разъ ты желаешь, я завтра буду у него. Но мнѣ обидно, больно, что ты извѣздилъ Азію, гоня караваны съ товарами въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствительно была опасность, гдѣ каждый шагъ грозилъ тебѣ и разореніемъ и смертью, и никогда передъ опасностью не отступалъ, а весело и беззаботно вступалъ въ борьбу съ врагомъ, и вдругъ теперь—старикъ какой-то, что выжилъ изъ ума отъ старости, тебя волнуетъ, беспокоитъ и нагоняетъ страхъ. Но я... я мальчишомъ еще привыкъ съ тобой дѣлать опасность и не бояться ни набѣговъ, ни вражьиъ пузь!—Такъ ужъ повѣрь, не испугаюсь болтовни пустой, которой онъ старался васъ убѣдить, что намъ грозитъ серьезная опасность.

Кодратъ. Авгаръ, какъ я, такъ и товарищъ мой, твой тестъ будущій, не изъ трусливыхъ, ты знаешь. И если-бъ вновь пришлось вступить въ борьбу съ врагомъ—мы не отступимъ и теперь, какъ никогда не отступали раньше. Но здѣсь грозитъ

опасность бороться съ силами такими, гдѣ ни князь и никакое оружье не помогутъ. Вотъ почему желаетъ онъ съ тобой увидѣться и дать совѣтъ.

Авгарь. О, что до этого, то признаюсь, я очень радъ увидѣть старика. Не для того, что-бъ получить совѣтъ, а просто обличить его и доказать, что онъ—одно изъ двухъ: иль сумасшедшій, иль обманщикъ. Ни въ колдовство ни въ знахарство—ты знаешь, я не вѣрю и не буду вѣрить никогда.

Нарсесь. Съ твоимъ отцомъ, Авгарь, мы прожили довольно и на своемъ вѣку не разъ видали такіе случаи, которые никакъ не объяснишь иначе, какъ чудесами. Не вѣришь, ты смѣешься!.. Эхъ!.. Авгарь, Авгарь!.. И мы въ твои годы смѣялись. А прожили когда, да увидали многое, чему нельзя не удивляться, такъ и стали вѣрить. Кодрать! ты помнишь вѣдь Варака Арашханова. (*Авгарь.*) Вотъ случай съ нимъ, ну какъ ты объяснишь: Варакъ былъ молодецъ!.. И страха не знавалъ, носился въ битвахъ онъ, какъ вихрь, не только раненъ не былъ—ни оцарананъ даже. А почему? Еще когда ребенкомъ былъ, ему одна старушка амулетъ повѣсила на шею и сказала, что съ этимъ амулетомъ онъ никогда не будетъ раненъ, такъ и было. И много лѣтъ Варакъ грозой былъ для врага. Но вотъ, однажды наканунѣ битвы идетъ старикъ и незнакомый, вотъ такой же, какого мы встрѣтили, и говоритъ: Варакъ, на завтра въ бой ты не ходи,—убьютъ тебя изъ первыхъ и амулетъ твой не поможетъ—день такой. Сказалъ—и прочь пошелъ. Варакъ, какъ ты—смѣялся, и крикнулъ старику, что онъ ему за шутку красавицу черкешенку добудетъ. И что-жъ?!.. На утро первымъ палъ Варакъ. Вотъ и не вѣрь.

Авгарь. Ну что-жъ ты видишь тутъ чудеснаго?—По моему, старикъ сболтнулъ случайно, а вышло, что попалъ на правду. И вѣрьте—не амулетъ старухи хранилъ Варака.

Кодратъ. Оставь, Нарсесь, его не убѣдывай. Онъ больше вѣритъ болтуну ученому, чѣмъ намъ, и забывается, что въ мірѣ есть такія тайны, которыхъ и его ученый не откроетъ. Пусть поживетъ подольше, тогда увидитъ самъ, что не всегда играетъ нами случай. (*Авгару.*) Все-жъ Авгарь, пойдешь ты завтра и старика увидишь, я такъ хочу.

Авгарь. Пойду, отецъ, и передамъ тебѣ весь разговоръ нашъ.

Кодратъ. Однако намъ пора. Пойдемте дѣти. Нарсесь, вы завтра не зайдете-ли ко мнѣ; гуляя? Мы-бъ кой о чемъ потолковали. И къ свадьбѣ время приближается, такъ надо намъ договориться.

Нарсесь. Зайдемъ, зайдемъ. Мы всякій день гуляемъ. (*Прощаются.*) И такъ до завтра.

Кодратъ. До завтра, другъ. (*Идетъ на приорокъ. Нина простилась и идетъ за отцомъ на приорокъ.*)

Авгарь (*прюстановилса и говоритъ съ Ашхеной.*) Прости, Ашхена! — Полно, не волнуйся, повѣрь, что нѣтъ здѣсь ничего серьезнаго. Тебѣ поручой я.

Ашхена. Ты завтра скажешь мнѣ, что говорилъ старикъ?

Авгарь. Конечно, все, все скажу. Прости и спи спокойно, — и за меня не бойся.

Ашхена (*отходя отъ него.*) До завтра, (*тихо*) милый. (*Уходитъ въ садъ за отцомъ и братомъ. Авгарь на приорокъ и скрывается.*)

Чар-Оки (*у того мѣста, гдѣ сидѣлъ раньше.*) До ночи еще далеко. Когда въ обычный часъ коитъ ная дремота тобою овладѣетъ, явись къ тебѣ и поведи бесѣду. Рѣчами страстными и обвою тебя и лаской нѣжною, какъ вѣтерокъ весенній, впроникну въ сердце. Услышавъ голосъ мой, въ тебѣ возникнутъ чувства, какихъ не испытала раньше... и ты моя!. Поймешь тогда, что жазы, мечты, желанья, которыми живешь теперь — ничтожны.

жалки!—Я разбужу въ тебѣ стремленья и жажду къ жизни новой, а эту жизнь и міръ презрѣнный возненавидишь ты, какъ я. (*Смотритъ въ сторону сада.*) Вотъ она!... Какъ хороша! Моихъ враговъ... тамъ въ небесахъ, ея лицо напоминаетъ. (*Пауза.*) Съ такимъ вниманіемъ и нѣжностью подвизываетъ розу, которую просилъ онъ — побережь до завтра. Нѣтъ, тому не быть — она сорветъ ее, и завтра эта роза рассыплется и превратится въ прахъ. Я такъ хочу. (*Ей.*) Сорви ее!.. Ну, ну, срывай!.. Вотъ такъ; теперь иди сюда.

Ашхена (*выходитъ медленно изъ воротъ сада. Въ рукахъ ея роза. Говоритъ тихо, съ грустью смотря на розу.*) Зачѣмъ я сорвала?.. Онъ такъ просилъ оставить, что-бъ завтра самому ее мнѣ приколоть. И странно!.. Какъ быстро она поблекла, и стебель потемнѣлъ, точно огнемъ сожженъ.

Чар-Оки. Не жалѣй о ней, Ашхена, она не стоитъ.

Ашхена (*раздумывая, говоритъ сама съ собой.*) Конечно, завтра ихъ распухнетъ десятокъ, еще пышнѣй, красивѣй этой.

Чар-Оки. Подумай, — стоятъ-ли миллионы пышнѣйшихъ розъ одной твоей улыбкѣ, привѣтливаго слова. Блескъ чудныхъ глазъ твоихъ и самый камень можетъ оживить.

Ашхена (*улыбаясь.*) И правда!.. Зачѣмъ она, когда я... я сама... и розѣ-ли мени украсить?..

Чар-Оки. Твоей красѣ самъ ангелъ позавидуетъ! Ты самоцвѣтный камень, въ которомъ солнца лучъ теряется и гаснетъ. Такъ можетъ-ли песчинка малая дополнить и украсить эти горы? И капелька воды пополнить-ли то море бирюзовое, которое тебѣ такъ правилось?.. Ты — море, горы!.. А роза — песчинка, капли.

Ашхена (*удивленно улыбаясь.*) Какія мысли у меня!.. Я никогда не думала такъ раньше!..

Чар-Они. Садись сюда и выслушай меня. (*Ашхена тихо идетъ и садится у ея ногъ на выступъ. Она смотритъ на нее сверху.*) Красѣ твоей и въ мѣрѣ равной нѣтъ; но посмотри, куда стремишься ты!.. Твое замужество есть погибель. Авгарь, женившись на тебѣ, запретъ какъ птичку въ клѣткѣ и красота твоя завянетъ и поблекнетъ, какъ эта роза. Ты—богиня красоты и вѣчной юности, владѣть должна пространствомъ, которому предѣла нѣтъ, а ты мѣняешь добровольно свою безсмертную порфиру на жалкую одежду смертной.

Ашхена (*немного испуганно.*) Что я, что я!.. Какъ можно думать это?—Не надо такъ, не надо. Какая я богиня!—Откуда я беру, что быть могу безсмертной?..

Чар-Они. Да, можешь быть безсмертной, я подтверждаю. И красота твоя на вѣки сохранится. А съ Авгаромъ черезъ годъ она исчезнетъ безъ слѣда.

Ашхена. Нѣтъ, я больна!.. Такія мысли могутъ появляться только у больной. (*Тихо поднимаясь.*) Какъ быстро вечерѣетъ. Пора домой. И сыро такъ становится... Я, вѣрно, простудилась. (*Обращаясь въ сторону, куда ушелъ Авгарь.*) Прощай, Авгарь, женихъ мой милый, покойной ночи!.. (*Тихо уходитъ въ садъ.*)

Чар-Они (*одинокъ. Ей вслѣдъ.*) Сѣмя брошено, оно взойдетъ и принесетъ плоды!..

Конецъ первой картины.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ домъ Нарсеса. Спальня Ашхены.

Восточная обстановка. По срединѣ тахта, на ней полулежитъ Ашхена. Слева ниша, задерживающаяся ковромъ, въ нишѣ постель няньки. Нянька сидитъ на коврѣ у самой тахты Ашхены. Вечеръ.)

Няня. Ты что-жь не раздѣваешься? Пора и спать.

Ашхена. (*Лъниво отвѣчаетъ и смѣтрить куда-то въ даль.*) Рано, няня, еще не хочется.

Няня. Ты молилась Богу, не забыла?

Ашхена. Молилась, няня, какъ-же.

Няня. То-то. Избави Богъ забыть. Со мной та-кая-то бѣда случилась разъ. Тебѣ тогда годочка три, не больше, было, а куда бѣдовая... за день-то умаешь хоть кого. Какъ шаръ какой, катаешь-ся бывало и за тобой глаза да и глаза, а то какъ разъ бѣды надѣлаешь. Набѣгалась ты, подъ вечеръ уснула, и немного тоже прилегла тутъ у себя, (*показываетъ на нишу.*) да и засни такъ безъ молитвы. Такъ что-жь?! не думала проснуться!.. та-кие-то, не къ ночи сказано, сны началъ нагонять. Совсѣмъ было замаялъ. Во снѣ-то понимаю, что и сплю, хочу, хочу проснуться, сама себя бужу, а онъ-то не даетъ. Вотъ душить, давить грудь, что хочешь, то и дѣлай. Ужь гдѣ-то, гдѣ-то Богъ привелъ проснуться. Вскочила вся въ жару, а потъ съ меня, а потъ, вотъ такъ ручьемъ и льется. Я къ образамъ, да поскорѣй молиться. И послѣ таеъ-то хорошо уснула, да брѣвко, что до утра и пальчикомъ не шелохнулась. Нѣтъ, избави Богъ не молясь лечь.

Ашхена. (*подъ вліяніемъ легкой дремоты.*) Няня... ты съ молоду... была красива?..

Няня. И-и-и!.. куда, красива. А ужъ прима, стройна, такъ что твой тополь.

Ашхена. (*Такъ же*). Красивѣе меня?..

Няня. Ужь и ты!.. Чего не скажешь тоже. Да развѣ есть тебя пригожѣй въ свѣтѣ? Тебѣ по красотѣ царицей надо быть.

Ашхена. (*въ той-же дремотѣ, но улыбаясь.*) Ужь и царицей!..

Няня. А какъ-же! Царицей и была-бъ, когда-бы царь или князь какой наѣхалъ, да увидалъ тебя!..

а мужь-бы увидалъ — сейчас-же обомтълъ, ну в конецъ, — и быть тебѣ царицей.

Ашхена. (льливо.) Няня... ты долго была красива?..

Няня (вздыхая.) Ахъ, гдѣ долго... Дѣвичья краса, что зимній день на сѣверѣ, короткій. Утро проглянуло... и оглянуться не успеешь — глядишь, ужъ и темнѣть. А вышла замужъ, черезъ годъ морщинава, черезъ два — десятокъ цѣлнй, а три прошло... — и счетъ имъ потеряла.

Ашхена (недовольная.) Я такъ не хочу!..

Няня. Чего не хочешь?..

Ашхена. А стариться и быть въ морщинахъ...

Няня. Мало-бы чего!..

Ашхена. (Сама съ собой.) Я хочу... безсмертной быть и никогда не стариться.

Няня (злая.) О-о-охъ-охъ-охъ!.. (ей.) Давай - ка лучше спать ложиться, чѣмъ пустяки болтать!.. (подымаясь съ ковра.) Сейчасъ теби раздѣну.

Ашхена. Нѣтъ, няня, нѣтъ, не нужно! Миѣ спать не хочется. Ложися ты, а я сама раздѣнусь.

Няня. Сама-а?! Да что ты, Богъ съ тобой! Сама, да развѣ можно.

Ашхена. Можно, няня, можно. Поди ложися, и подремлю немножко, помечтаю.

Няня. (Лукаво.) А-а!.. знаю... о жепихъ своемъ... Ну что-жь, о женихѣ не грѣхъ. (отходить.) Ахъ, батюшка! такъ въ сонъ и клонить (тихо идетъ къ нишѣ.) Говорю... а онъ совсѣмъ, совсѣмъ потъ такъ глаза и застилаетъ. (Въ нишѣ укладываясь.) И ты усни... о женихѣ подумать можно завтра. (берется за занавѣску. Хочетъ задернуть.) Да, не забудь раздѣться!.. (задержала.)

Ашхена Три года... какъ мало... (раздумывая.) И и такой-же старой буду... все въ морщинахъ, согнуся, сгорблюсь и зубы выпадутъ, какъ выпали у няни... и волосы сѣдые станутъ... (вздра-

иваетъ.) Нѣтъ, нѣтъ!.. Я такъ не хочу!.. (*У изюловья появляется Чар-Оки.*)

Ашхена (продолжая.) Три года и и старуха!.. (*раздумывая.*) Тогда зачѣмъ красавицей родиться? Вѣдь все равно краса, какъ зимній день— утро короткое, а ночь большая, большая, безъ конца и безъ разсвѣта, и чѣмъ дальше, тѣмъ темнѣй!.. Ни счастья, ни убѣжать отъ этой ночи нѣкуда. (*раздумывая.*) Богиня красоты!?. А для кого? Для одного Авгара только!.. да еще для няни... и то не долго... а выйду замужъ, годъ пройдетъ— морщинава, два, десятковъ, а тамъ!.. конецъ красы и жизни... (*Почти полузабытъ.*)

Чар-Оки. Быть вѣчно юной и затмевать красой твоей и самыхъ ангеловъ ты можешь. Видѣть мѣръ и появляться всему живущему и на землѣ и въ небесахъ во всемъ величїи твоей красы. Невиданнымъ, живымъ, веселымъ свѣтомъ засвѣтитъ чудный образъ твой, прикрытый, какъ пеленой, эфиромъ голубымъ. И заруминится зари и заиграетъ въ лазури неба передъ твоимъ восходомъ дивнымъ.

Ашхена (улыбалась.) Какъ страшно... два часа назадъ такія мысли меня пугали, а теперь... такъ хорошо, отрадно думать... Какая-то дремота нѣжная, какъ легкимъ огонькомъ, мнѣ согрѣваетъ душу и смутная надежда овладѣваетъ мыслями...

Чар-Оки. Улыбкою твоей бесплодную пустыню ты превратишь въ цвѣтущій садъ, и въ жизни новой, полной страстной нѣги, ты въ вышнїй недостигаемой для смертныхъ, въ восторгъ, радости, съ сознаньемъ вѣчности своей освѣтишь этотъ скучный мѣръ... Мѣръ старости и разрушенья!..

Ашхена. (улыбалась грустно.) Мечты, мечты!.. Отрадныя мечты и только. Какъ можно смертной парить въ лазури неба?—Нѣтъ! и жить должна и стариться здѣсь на землѣ и видѣть каждый день,

какъ волосокъ по волоску въ моей косѣ сѣдѣютъ, какъ борозды морщинъ уродуютъ лицо!..

Чар-Оки. Оставь людскія заблужденія и вѣрь, что ты равна богамъ!.. И можешь властвовать надъ всѣмъ, чѣмъ властвуютъ они. Скажи лишь слово, довѣрься мнѣ, и глубина небесъ тебѣ доступна станетъ и вознесешься ты и будешь рѣять надъ пространствами такими, какихъ никто и никогда изъ смертныхъ не видалъ. И сомны духовъ передъ тобой падутъ во прахъ.

Ашхена. Какія мысли!.. откуда?! Кто ихъ внушаетъ мнѣ?!

Чар-Оки. Пускай мой голосъ коснется слуха твоего и ты поймешь, что не твои то мысли, а рѣчь несчастнаго, котораго краса твоя свела на землю, заставила покинуть небесныя пространства, чтобы быть съ тобой. Таковой любви горячей, страстной, какой люблю тебя, не знаютъ люди.

Ашхена. Что за чудный голосъ!.. каждый звукъ его такъ мягко, нѣжно проникаетъ въ душу!.. А между тѣмъ мнѣ страшно и хочется бѣжать, чтобы скрыться отъ этого божественнаго звука. Что это—сонъ?.. Кто говоритъ со мной?!

Чар-Оки. Твой рабъ. Скажи лишь слово—я удалюсь и никогда мой голосъ не коснется уха твоего. Не съ тѣмъ явился я, что-бъ страхъ внушать моей богинѣ. Люблю тебя!.. И эта страсть свела меня на землю. Хочу тебѣ служить и побориться малѣйшему желанью твоему. О! испытай меня, Ашхена, молю тебя. Извѣдай глубину любви моей, покорности—и ты увидишь, что буду послушенъ, какъ никто. Твои велѣнья мнѣ закономъ будутъ. Безъ словъ за каждымъ взглядомъ, движеніемъ твоимъ слѣдить, угадывать я мысли стану и исполнять мгновенно всѣ желанья. Что-бъ быть съ тобой—покинулъ власть мою, покинулъ небеса

безсмертіе, и если не рѣшишься раздѣлить могущество мое и скажешь мнѣ: уйди и не возвращайся болѣ, — и я уйду, меня ты не услышишь никогда. Но не вернись къ покинутой мной власти, не вернись къ безсмертью моему и вѣчной юности. Здѣсь на землѣ останусь и буду стариться и умирать. Мнѣ утѣшеніемъ будетъ то — хоть изгнанъ и тобой, но умираю такъ же, какъ и ты. Ашхена, коль голосъ мой тебя пугаетъ, скажи — и я уйду, на вѣки скроюсь.

Ашхена. Нѣтъ, нѣтъ!.. останься здѣсь, не уходи. Твое признанье въ любви, твой голосъ неземной, какой-то чудной страстью, нѣгой меня всю охватили. Съ твоимъ признаньемъ и самый міръ становится инымъ и образъ твой является въ моемъ воображеніи. И теперь мнѣ потерять тебя, лишиться блаженства, которое я ощущаю?.. Нѣтъ, не могу, не въ силахъ!.. Чувство-новое, невѣдомое раньше мнѣ наполняетъ душу!.. За это чувство весь міръ отдать, все счастье земное, жизнь самую!.. Возьми ее — она твоя. Но съ этимъ новымъ чувствомъ и умереть хочу.

Чар-Оки. Зачѣмъ о смерти говорить!.. Цѣль моя и всѣ были, есть, будутъ: жизнь безъ конца и срока. Я берегу тебя и сохраняю отъ разрушенья, которое грозитъ всему живущему здѣсь на землѣ. Ты облачкомъ вспорхнешь въ лазурь небесную и радость вѣчная безъ огорченій и болѣзни твоимъ удѣломъ будетъ. Тебѣ просторъ я дамъ. Въ воздушномъ океанѣ съ тобой мы повесемся туда, гдѣ нѣтъ конца пространству и времени, гдѣ нѣтъ конца ни юности ни радости!.. Тогда поймешь ты, что земля есть клѣтка, западня, которая манитъ васъ ложной и короткой жизнью; гдѣ годъ прошелъ — морщинка, двѣ, десятокъ, а тамъ и старость, за ней погибель — смерть!.. И отъ тебя, красы такой — остатокъ — горсточка земли. Нѣтъ,

я знаю, ты поймешь меня и отречешься, какъ отрекся я отъ предрасудковъ, и не захочешь стариться и умереть, что-бъ превратиться въ тлѣнь, а будешь вѣчно цвѣсть, благоухать, какъ роза чудная. Ни лепестка, ни аромата, ты, дивная, не потеряешь никогда. Въ глубокихъ небесахъ появишься какъ новое свѣтило и встрѣчена царницей будешь и склонится передъ тобою все!.. Кольцомъ хорошимъ свѣтящихъ разноцвѣтныхъ метеоровъ и окружу тебя и въ ихъ вругу ты заблестишь еще красивѣй, ярче!.. И всѣ цвѣта другіе поблекнутъ предъ твоимъ, какъ предъ живою—сорванная роза.

Ашхена. Какъ хорошо, отрадно слушать мнѣ объ этой новой, неизвѣстной жизни. То сердце радостно забьется, то вдругъ такъ нѣжно замираетъ!.. Меня ты ублажалъ сладостною нѣгой и, если-бъ не примѣшивался страхъ какой-то... и чей-то добрый, добрый голосъ, подобный твоему, что не велить идти мнѣ за тобой—я-бы сейчасъ съ тобою полетѣла въ тотъ міръ—куда меня зовешь.

Чар-Оки. Не вѣрь ему, Ашхена, не подавайся этимъ увѣщаньямъ! Ты знаешь, что, оставаясь на землѣ, нельзя не стариться, нельзя не умирать, нельзя не обратиться въ землю. Тогда какъ я зову тебя въ ту жизнь—гдѣ юность вѣчная царить. И чувство нѣги страстной, которое теперь испытываешь ты, всегда, всегда и вѣчно съ тобою будетъ. А оставаясь на землѣ, его лишешься ты.

Ашхена. Да, да!.. хочу тебѣ я вѣрить. Не можешь ты желать моей гибели!..

Чар-Оки. (*Отходитъ къ ея ногамъ и становится передъ нею.*) Взгляни, Ашхена, на меня—найдешь ли ты въ моемъ лицѣ, во взглядѣ хоть тѣнь коварства, лжи?

Ашхена (*долго смотритъ на нею.*) Нѣтъ, нѣтъ!.. не можешь ты губить. Не можетъ зло имѣть глаза, въ которыхъ свѣтится привѣтъ, любовь и ласка. Добро и неземная красота въ тебѣ соединились вмѣстѣ. Я вѣрю, вѣрю, и жить хочу, какъ ты велишь. А завтра, завтра... ты придешь опять?!

Чар-Оки. Приду. Не будетъ ночи, когда-бъ я не быть у тебя. Но время намъ разстаться. (*Простираетъ надъ ней руки.*) Усни теперь, моя богиня. (*она закрываетъ глаза.*) Но чувства всѣ навѣянные мной—храни. (*Смотритъ на нее.*) Она моя! ее я вырву изъ міра этого и новымъ свѣтлымъ огонькомъ мое чело украшу. А голосъ твой блюститель чистоты и мира—я заглушу моимъ побѣднымъ крикомъ. (*исчезаетъ.*)

(*Большая пауза—потомъ разсвѣтъ.*)

Няня (*проснулась и вылянула изъ-за полог.*). И-и!.. ужъ свѣтатъ собирается. (*Скрылась, потомъ выходитъ одѣтая.*) Того гляди, какъ разъ и солнышко изъ-за горы освѣтитъ. (*Подходитъ къ окну и смотритъ вверхъ.*) Ну такъ и есть!.. вонъ шапка сѣбровая какъ зарумянилась и то какъ разъ... (*съ послѣдними словами оборачивается всторону, идъ спитъ Ашхена. Тихо.*) Ай, батюшки мои!.. Ахъ, ты безстыдница!.. Смотрите, выдумала что!.. Вѣдь такъ и не раздѣлась. Ну, хорошо сама не заглянула, а то бы мнѣ бѣда, зачѣмъ позволила. А кто ей позволялъ? (*прозитъ Ашхень. Тихо.*) Проснись ты только баловница—ужъ и тебѣ задамъ. (*Сама съ собой.*) Э-э!.. А что ты ей задашь? Вѣдь знаю: только слово скажешь—она сейчасъ на шею бинется да цѣловать начнетъ, да приговаривать: няничка, прости—впередъ не буду—вотъ и все. Куда ужъ ласкова, добра, какъ ангель, а баловница, вотъ какая баловница—не надо хуже. (*Увидала, что Ашхена открыла глаза.*) А-а!.. Ты что-

жъ это творишь?.. Ну гдѣ-же это видано одѣтой спать!.. А?—ты что-жъ молчишь?—Ай сонъ еще не отошелъ? (*подходитъ ближе.*) Да что же это, въ молчанку, что-ль, играть задумала?

Ашхена (*не глядя на нее.*) Отстань.

Няня. Что-о-о?! Какъ отстань!—И то знать не проснулась. (*Подходитъ совсемъ близко.*) Куда ты такъ ушла?

Ашхена. Отстань-же, говорю, ты надоѣла.

Няня. (*Озадачена.*) Батюшки мои!.. да что-жъ это такое? на меня, на няньку-то свою? — Вотъ такъ заслужила!.. Ходила, холила, оберегала, пылинки не давала сѣсть. (*утирая слезы.*) А ты вотъ на-ка—отстань, да надоѣла!..

Ашхена. (*строю.*) Слушай, нянька, перестань и не сердь меня.

Няня. (*отходитъ отъ нее и смотритъ со страхомъ. Сама съ собой.*) Господи помилуй!.. Ай приключилось-что?—Ужъ.. Воже сохрани не съ глазами? (*ей издаലെка.*) Голубивья моя, да что съ тобой, здорова-ли?

Ашхена. (*Сухо, отрывисто.*) Нездорова!.. голова болить.

Няня (*истуанно.*) А!.. вотъ грѣхъ какой. Такъ встань скорѣй да подойди къ окошечку: какъ въ-теремъ-то утреннимъ обдуетъ—Богъ дастъ головѣ легче. (*отворяетъ окно.*) А ужъ и утро-же!.. Ну, чистый рай! Гляди, какъ солнышко сейчасъ освѣтитъ снѣговую шапку. Поди, моя голубивья, скорѣй—вѣдь ты охотница на утро посмотреть.

Ашхена (*презрительно.*) Есть что смотреть: тоска и скука.

Няня. Какъ скука, что ты!.. Да этакой красы и не увидишь. Поди, поди скорѣй!.. Какъ глянешь, такъ на душѣ сейчасъ и радость заиграетъ.

Ашхена (*тохо поднялась и села на тахту.*) Радость!.. кабая радость, гдѣ она?—вотъ утро... а

черезъ часъ и вечеръ... а тамъ и волосы сѣдые, и зубы выпали...

Няня (*очень испугана. Тихо, про себя.*) Ахъ, ба-тюшки мои!.. (*отходитъ отъ окна и тихо пробирается къ двери.*) Пойти сказать... и то знать, нездорова.

Ашхена. (*Машинально.*) Куда ты?

Няня (*у двери.*) Хочу умыться да кое что при-брать. (*про себя.*) Пойду скажу — душа-то не на мѣстѣ.

Ашхена. (*Смотритъ куда-то въ даль.*) Какъ онъ красивъ!.. И что за голосъ, глаза какіе, сколько доброты. Какъ передъ нимъ ничтожны, мелеи всѣ. Что за осанка, что за станъ!.. А волосы, какъ змѣйки, выются по плечамъ. О-о!.. какъ-бы и хотѣла прильнуть къ его лицу и жаркимъ поцѣлуемъ зарумянить щеки, чтобъ вызвать милую улыбку на лицѣ угрюмомъ. Зачѣмъ покрылъ свою небесную красу печальнымъ флеромъ — она свѣтъ ангела скрываетъ. Въдѣ и люблю тебя, люблю всей силою души!.. Твоей красою дивной ты зажегъ во мнѣ любовь такую. Сними же флеръ и свѣтомъ ангела покройся и въ мірѣ томъ, куда меня зовешь, и ты и я засвѣтимъ равнымъ свѣтомъ. (*пауза.*) Но если это сонъ я видѣла?.. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть. Онъ здѣсь стоилъ и говорилъ мнѣ правду. Жить и сознать, что красота твоя — какъ зимній день короткій, а тамъ глухая ночь безъ просвѣта.. а дальше смерть и ты... не больше какъ горсточка земли!.. (*быстро вскочила.*) Нѣтъ, нѣтъ я не хочу, не буду. Теперь погибнуть лучше, чѣмъ ждать: а вотъ морщина, двѣ, десятокъ!.. (*быстро, нервно прошла по комна-те.*) Съ ума сойдешь отъ ожиданья. (*пауза.*) А если это сонъ? — его я больше не увижу!.. не увижу... это сонъ!.. Такъ сна другого я не буду больше видѣть никогда. (*Вынимаетъ кинжалъ и*

смотритъ на лезвіе. Потомъ тихо опускаетъ руку.) Нѣтъ, удержусь!.. (Кладетъ, снявъ въ ножны.) Дождуся прежде ночи, можетъ быть, опять онъ явится, онъ обѣщаль прійти. (сходитъ нетерпливо съ мѣста.) О!.. этотъ день покажется мнѣ годомъ. Но и дождусь, дождусь!.. (Насмѣливо.) Авось за этотъ день я не успѣю много постарѣть. (пауза.) А если не увижу... то завтра утромъ!.. (пауза.) Но никому о снѣ моемъ не надо говорить, никому и никому, онъ мой. (пауза.) Когда бы мнѣ повѣрили, какъ вѣрю я, что жить, какъ мы живемъ—нельзя; но не повѣрять—еще начнутъ и уговаривать, что это вздоръ, что нужно покориться, таковъ законъ. Точно я не знаю!.. Нѣтъ, буду притворяться: скажу, что нездоровится, что голова болитъ. Но сна, рѣшенья моего не выдамъ. (пауза.) А Авгарь!.. Вѣдь я его невѣста.. ужели разлюбила?.. А онъ такъ добръ ко мнѣ, такъ ласковъ, нѣженъ!.. Что будетъ съ нимъ, когда узнаетъ?.. Но что жедѣлать.. не могу я, не могу!.. Къ нему любовь была игрушкой, забавой, дѣтской только, а какъ теперь я полюбила!.. Ахъ, какая мука!.. Ну, хорошо... исполню обѣщанье и выйду за него. Но любить... я не могу, онъ непріятель мнѣ, противень даже, ему я не позволю притропуться къ себѣ!.. Какая-жъ я жена, когда душой и сердцемъ, помыслами всѣми принадлежу другому!.. Изъ локона его дороже волосъ мнѣ, чѣмъ вся твоя любовь и ласка. Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня, оставьте всѣ!.. Вы всѣ чужіе для меня, а онъ одинъ мнѣ дорогъ!.. Скорѣй, скорѣй бы ночь. (Входитъ Реисена и Няня.)

Реисена (подходя къ дочери). Что съ тобою, Хене, ты нездорова?

Ашхена (притворно весела). Нѣтъ, ничего!.. Немножко голова болитъ.

Реисена. Отчего? Спала не хорошо ты, что-ли?

Ашхена. Нѣтъ, спала чудесно!.. И сонъ такой хорошій видѣла, пріятный... Что будто я ужъ замужемъ, и дочка у меня большая, — ее я замужъ выдаю. А ты такая старенькая, мама, вся сгорбилась!.. и я будто сѣдая вся и то же старая.

Реисена (*садится*.) Ишь вздоръ какой приснится. Нѣтъ, Хене милая, до этого далеко!.. Сама-то прежде выйди, а тамъ пройдетъ годковъ шестнадцать — тогда и дочку снаряжай.

Ашхена. (*Съела рядомъ съ матерью. Стараясь казаться веселой, беззаботной*.) Э., э., мама, мама! шестнадцать лѣтъ какъ часъ пройдутъ. Ужъ жизнь такая наша, и не увидишь, какъ старушкой станешь. Сважи по правдѣ: ты сама замѣтила, какъ время пролетѣло и ты старушкой стала?

Реисена (*вздыхая*.) О—о—хъ!.. и правда, Хене, не замѣтила. Пошли заботы, дѣти, то да другое, анъ хватъ-похватъ, а молодости нѣтъ. Лови ее — анъ упорхнула.

Ашхена. Вотъ видишь, мама, жизнь какал наша нехорошая. Чему-же удивляться, что и я дочку выдаю, сама сѣдая да беззубая. (*быстро, нервно поднимается и тащитъ мать*) Пойдемъ-ка, мама, пойдемъ скорѣе въ садъ. Меня тамъ вѣтеркомъ обдуетъ и голова пройдетъ. (*Идутъ къ двери*.) Ахъ, мама, мама, какая это жизнь!.. какъ день одинъ!.. Такъ надо веселиться, а то какъ разъ состаришься, тогда не до веселья. Такъ вѣдь мама?

Реисена (*уходя съ нею*.) Такъ, такъ, моя голу-бушка, все такъ. (*Ушли*.)

Няня (*смотря имъ вслѣдъ*.) Ахти, бѣда!.. Что хочешь говори, а съ нею приключилось что-то куда не доброе.

Конецъ второй картины.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Дикое горное мѣсто. Справа утесы, между ними входъ въ ущелье. Утро.)

Авгарь. (выходя изъ ущелья.) Прошелъ ущелье до самаго обрыва, а не нашелъ и признака жилья. Присяду здѣсь и подожду еще. (Садится на камень.) А надоѣло ждать. И право... какъ-то совѣстно и больно тратить утро цѣлое на этотъ вздоръ, — выслушивать какого-то пройдоху. (Смотритъ въ ущелье.) А!.. наконецъ-то... Должно быть, онъ. (Встаетъ и говоритъ входящему отшельнику.) Тебя старикъ я заждался. Но извини, я говорю всегда, какъ думаю, а потому скажу тебѣ: ни въ колдовство, ни въ знахарство, ни въ ворожбу — не вѣрю я; а такъ-же не вѣрю и тому, чтобъ человѣкъ, подобный мнѣ — могъ свыше откровеніе имѣть и будущее знать. Теперь я слушаю.

Отшельникъ. Зачѣмъ ты говоришь? — Я не судья тебѣ. Мы всѣ въ грѣхахъ рождены — ни ты, ни я судить ихъ не должны и въ нашихъ заблужденныхъ отвѣтъ дадимъ единому Творцу. Онъ далъ намъ жизнь, далъ разумъ и завѣщаль любить и помогать другъ другу.

Авгарь. Скажи, зачѣмъ ты звалъ меня?

Отшельникъ. Слово ты сказалъ вчера неосторожно... необдуманно... что дѣлать, ты молодъ, горячъ. Ну, Богъ тебя прости.

Авгарь. Какое слово?

Отшельникъ. Не надо... все равно вѣдь ты не вѣришь. А слово нехорошее и вредное.

Авгарь. Не помню, можетъ быть. Нельзя о всякомъ словѣ думать.

Отшельникъ. Да, да!.. нельзя и трудно. Тебя... мнѣ жалко...

Авгарь (шутливо.) Напрасно, не жалѣй.

Отшельникъ. Нѣтъ, жалко, жалко... ты можешь все, все потерять.

Авгарь. Еще что скажешь?

Отшельникъ. Тебя спасти хотѣлъ и дать совѣтъ... только не послушаешь ты, нѣтъ.

Авгарь. Не знаю, ручаться не могу... Скажи, какой совѣтъ?

Отшельникъ. Молиться надо, молиться съ вѣрой, со смиреньемъ...

Авгарь. Я молюсь.

Отшельникъ. Усерднѣй надо, усерднѣй. И Ангела пошлетъ Господь отъ бѣдъ насъ охранить. И врагъ нашу силу потеряетъ.

Авгарь. Кто этотъ врагъ?

Отшельникъ. Тотъ беспощадный духъ, который насъ осѣтилъ.

Авгарь. Гдѣ его ты видишь?

Отшельникъ. Въ насъ самихъ. Себя намъ надо побѣдить, смириться и не мечтать высоко о себѣ. Надо помнить, что есть тайны, и постигать ихъ мы не въ силахъ. Ее... ее ко мнѣ ты приведи сегодня до ночи.

Авгарь (*серьезно, но снисходительно.*) Теперь, старикъ, меня послушай. Я вижу, что искренно ты вѣришь въ то, что говоришь, и вѣрь, какъ хочешь—я не мѣшаю. Но меня оставь. Я буду вѣрить такъ, какъ понимаю самъ. И мою Ашхену сумѣю охранить отъ всякаго врага.

Отшельникъ. За себя ты можешь говорить и отрекаться отъ помощи, но за нее... не принимай грѣха чужого на душу.

Авгарь (*такъ-же.*) Она мнѣ не чужая, а жена.

Отшельникъ (*грустно.*) За эту ночь она ушла далеко!.. ей длинный путь обратный предстоитъ, что-бъ быть твоей женой.

Авгарь. Оставь, старикъ, меня не убѣдишь.

Отшельникъ. Скорблю душой, что ты ее теряешь.

Авгарь. Посмотримъ.

Отшельникъ. Покаешься, но будетъ поздно. Тяжелый трудъ себѣ ты выбралъ, тяжелый. Спаси тебя, Господь, и помощи его преодолѣть. Прости. Пойду за васъ молиться. *(кланяется.)* Прости. *(Пошелъ къ ущелью и остановился.)* Сюда ко мнѣ придешь, но скоро не увидишь, теперь надолго путь заложится ко мнѣ. Трудомъ, молитвой и постомъ я буду умолять Всевышняго открыть мою темницу. Прости, Авгарь, прости, мой бѣдный сынъ. *(скрывается.)*

Авгарь *(Домо смотритъ вслѣдъ старику. Съ сожалѣніемъ.)* Старикъ несчастный!—какъ глубоко онъ вѣритъ въ свои пророчества. И какъ сердечно, мягко, съ какой любовью стремился убѣдить меня. *(Подумавъ.)* Да, правда, не могутъ одолѣть они величія природы и силы творчества Создателя, такъ нужны чудеса. А нѣтъ чудесъ—на помощь имъ приходитъ суевѣріе, а этотъ путь—куда широкъ *(раздумывая.)* «Надолго путь заложится.» Гдѣ путь? Какой?.. И этимъ мучится, страдаетъ и старости своей покою не даетъ. Да!.. грустно такъ кончатъ. *(Въ ущельѣ слышенъ страшный грохотъ обвала. Авгарь стоитъ пораженный и послѣ большой паузы.)* Обвалъ!.. и недалеко?.. *(пауза.)* Никакъ я не могу покойно относиться къ этимъ страшнымъ разрушеніямъ. Отвыкъ я, что-ли, за два года, пока жилъ въ городѣ... Нѣтъ, и раньше, помню, я чувствовалъ всегда какъ-то трепеть, *(Подходитъ къ ущелью и смотритъ по направленію, куда ушелъ старикъ.)* О!.. совсѣмъ завалено ущелье. И врядъ-ли онъ къ себѣ дошелъ благополучно. *(Отходитъ.)* Какъ тяжело!—какъ неприятенъ этотъ случай. Пойду домой... но никому ни слова не скажу о томъ, что говорилъ онъ. *(Идетъ въ противоположную сторону ущелья.)* Пусть узнаютъ лучше, что не нашелъ я старика—такъ для всѣхъ покойнѣй будетъ. *(Уходитъ.)*

Конецъ третій картины.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Въ домъ Нарсеса. Реисена сидитъ. Нарсесь ходитъ по комнатѣ взволнованный и раздраженный).

Нарсесь. (Продолжая разговоръ.) Коли больна, такъ и лежи въ постели да принимай лѣкарство, что лѣкаръ далъ. А то—смотрите—вдругъ болѣзнь какаа проявилась! Цѣлый день ворчать, шумить и никому покоя не даетъ. (Сильно раздраженный останавливается передъ женой.) По вашему, болѣзнь—по моему, такъ просто баловство—и я не потерплю такого ада въ домѣ.

Реисена (мякно.) Да, лѣкаръ говорилъ, болѣзнь еще не наступила, что пусть пройдетъ денька четыре, тогда онъ и узнаетъ, что за болѣзнь такая.

Нарсесь (раздраженно.) Болѣзнь, болѣзнь! Пока не сляжетъ, не повѣрю. Вотъ третій день и такъ всё какъ въ котлѣ кипимъ. А ужъ Авгаръ совсѣмъ замаялся. Стараются уговорить да успокоить—куда тебѣ, ничѣмъ не угодишь. Ну, погоди! Еще денекъ, другой я потерплю и если не увижу, что она дѣйствительно больна, такъ я вѣдь такъ скручу, что и не шпенеть.

Реисена. И что такое сдѣлалось?—Всегда была такая тихая, да добрая, покорная...

Нарсесь (перебивая.) Избаловали, вотъ что. Ну, мнѣ пора. (Идетъ къ дверямъ, она за нимъ.) Я къ вечеру вернуся. (на ходу.) Да ты смотри, не очень ублажай.

(Оба вышли. Ашхена быстро выбѣгаетъ изъ сада, заткнувъ уши. Авгаръ молча идетъ за ней, видимо очень встревоженный).

Ашхена (заткнувъ уши.) Не говори, не говори, я слушать не хочу!.. Все это вздоръ и твой ученый лжетъ (остиновилась, повернулась къ нему

лицомъ и топая ногами, съ угрозою и раздражительно.) Молчи-же, говорю!..

Авгаръ (стараясь казаться покойнымъ.) Да и давно молчу.

Ашхена (такъ-же раздражительно.) Ужь ты и замолчишь, ну какъ-же!.. (приступая къ нему.) А кто сейчасъ въ саду мнѣ цѣлый часъ доказывалъ, что мiръ прекрасенъ, что въ немъ все такъ устроено, что только восхищаться нужно? И твой ученый, открывая тайны мiра, убѣдилъ тебя, что совершененъ мiръ, созданный Творцомъ. (приступая еще ближе.) Вотъ я и отвѣчаю: (отчетливо.) Лжетъ твой ученый, бестыдно лжетъ. (отошла отъ него.) Я не слыхала, какъ онъ говоритъ, да и не нужно слышать, а стоитъ мнѣ взглянуть на старика или на старуху, какъ сразу вижу—вздоръ, ничтожность мiра этого. Сегодня я красива, молода и радостна, а черезъ годъ... гдѣ черезъ годъ... черезъ мѣсяць, день, часъ; каждую минуту мы старимся, слабѣемъ и дрихлѣемъ. И такъ все, все въ этомъ мiрѣ, дуга, лѣса и эти горы, самая земля состарилась. И сознавать все это, хвалить такую жизнь и говорить, какъ твой ученый, что все прекрасно создано... (Съ крикомъ.) Нѣтъ, нѣтъ, ни думать такъ, ни жить—нельзя.

Авгаръ. (Стараясь быть покойнымъ.) Но согласись, нельзя и вѣчно жить и никогда не стариться. Всему конецъ бываетъ.

Ашхена. Такъ значитъ нечѣмъ восторгаться, обманывать себя. Еще на васъ: тебя, Манука, Нину, могу смотрѣть безъ отвращенья, а старики, старухи всѣ, всѣ безъ исключенья мнѣ противны, неприятны, гадки просто. Они собой напоминають, что скоро я сама такой-же буду.

Авгаръ. Ты молода—на много лѣтъ красавицей останешься.

Ашхена (*въ сильномъ гнѣвѣ.*) Молчи, молчи—ты ничего не знаешь!.. (*подходя къ нему, въ упоръ.*) Вѣдь ты сказать не можешь, что вѣчно я табою останусь, не можешь! Нѣтъ? Такъ не тѣшься по крайнѣй мѣрѣ тѣмъ, что я до вечера сегодня не состарюсь. (*быстро подбѣгаетъ къ полку, беретъ роскошный старинный кувшинъ и подноситъ его къ Авгару.*) Скажи, какъ ты находишь это?

Авгаръ. (*смотритъ и не понимаетъ, въ чемъ дѣло.*) Ну что-же—я знаю,—это старинная и дорогая вещь...

Ашхена. По твоему, она красива?—

Авгаръ. Красива очень.

Ашхена. (*съ силой бросаетъ кувшинъ на полъ и онъ разбивается въ куски. Показывая на черепки.*) А теперь?!..

Авгаръ (*испуганно и укоризненно.*) Ашхена!..

Ашхена (*торжествующе.*) Вотъ что съ нами будетъ!.. Вотъ что будетъ съ этимъ міромъ!.. И я не на мгновеніе о немъ не пожалѣю.

Авгаръ (*очень грустный.*) Теперь, Ашхена, вижу, что я самъ и доводы мои, которыми тебя хотѣлъ я успокоить, не только не приносятъ пользы, а раздражаютъ, мучать. А лѣкарь говоритъ, какъ можно больше тебя покоить нужно; такъ лучше я..

Ашхена (*перебивая.*) Вотъ еще противное созданье!.. Отъ старости едва тоскаетъ ноги,—не ныче-завтра—горсточка земли, а то-же: «дни черезъ три я побываю!»—И вотъ сегодня пріѣдетъ мучить.

Авгаръ (*грустно глядя на нее.*) Ашхена!.. ужель тебѣ не жаль меня?

Ашхена. Нѣтъ, жаль... и очень жаль, но не тебѣ, а то, что ты не понимаешь или боишься понять меня.

Авгаръ (*вздыхая.*) Да правда... я боюсь, мнѣ страшно понять причину твоей болѣзни.

292 (05)
17578

ПЕНЗЕНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

Приложение къ журналу "Театралъ"

На репетици.

Рис. Гуйо.

ТИП. И. ЧЕРКОВА ВЪ МОСКВѢ.

Ашхена. Опять болѣзнь!— Да сколько разъ мнѣ говорить, что я здорова. Ты мнѣ не вѣришь, что я здорова, а я должна повѣрить твоему ученому. Нѣтъ, мнѣ надо вотъ какъ поступать: заставить васъ возненавидѣть землю, жизнь— поступками, а не словами. (*Рѣшительно.*) Я такъ и буду дѣлать.

Авгарь. Прости, Ашхена, я, чтобъ дать тебѣ покой, уйду. Мнѣ очень тяжело тебя такую видѣть.

Ашхена. И мнѣ не веселѣй твое упорство.

Авгарь. (*Уходя.*) Прости.

Ашхена. (*вслѣдъ, не глядя на него.*) Прощаю. (*Одна.*) О! какъ рада я, что наконецъ онъ скрылся. Авось теперь ужъ больше не придется надобдаться. (*Обдумывая.*) А эта мысль хорошая. Отецъ и мать, и братъ, да всё мнѣ говорить, что я устроила какой-то адъ, что отравляю жизнь имъ, разрушила весь домъ. Вотъ такъ всегда мнѣ нужно поступать. Тогда они познаютъ, что жизнь дана намъ не на радость. Ихъ чудное созданье— земля— кромѣ тоски, отчаянья, муки, намъ ничего и никогда не дастъ другого. (*Уходя въ раздумьѣ.*) Такъ, такъ... это средство вѣрное, и такъ со всѣми буду поступать. (*Уходитъ къ себѣ.*)

Конецъ четвертой картины.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Та-же комната въ домъ Нарсеса. Рейсена, удрученная горемъ, бессонными ночами, сидитъ, опустивъ голову. Нина, противъ нея сидя, дремлетъ.

Время къ вечеру.

Рейсена (*взглядывая на Нину*). Нина, поди прилигъ немножко; гляди, бакамъ стала ты: немного лучше Хене.

Нина (*бодрясь*). Нѣтъ, ничего, успѣю отдохнуть.
 Реисена. Что ничего!.. Смотри, не заболѣй и ты еще.

Нина. А мнѣ съ чего? Вѣдь я не простудилась.

Реисена. Да ты опять всю ночь не прилегла?..

Нина. Нѣтъ, раза два заснула крѣпко. А что сказали сегодня лѣбварь?

Реисена. Э-э-э!.. что они. Обыкновенно: «спройдетъ, пройдетъ, болѣзнь тяжелая». Да сами видимъ, что не легкая. Шутка—слишкомъ три недѣли лѣчимъ, а ни бапли, какъ есть ни капельки не легче. (*Молчаніе*.) Что, ночь-то какъ?

Нина. Да также все.

Реисена. Вотъ отецъ прислалъ сказать, что завтра другой пріѣдетъ лѣбварь. Авось хоть онъ поможетъ. А братъ вернулся?

Нина. Когда я уѣзжала сюда, Манукъ поѣхалъ его отыскивать, а ужъ нашелъ-ли, я не знаю.

Реисена. Да куда онъ ходитъ?

Нина. Не знаю. Онъ ничего не говоритъ. На третій день, какъ заболѣла Хене, онъ началъ каждый день ходить куда-то: уйдетъ съ утра, а только вечеромъ вернется. Отецъ разспрашивалъ его, а онъ отвѣтилъ: «когда найду, чего ищу, тогда узнаете». А вотъ теперь сталъ пропадать дня по два, по три.

Реисена. Вѣдь вотъ стряслась бѣда какая. Охъ, Господи!.. знать, согрѣшили мы. (*Молчаніе*). Нина, вѣдь она теперь уснула, пойдемъ ко мнѣ и ты усни.

Нина. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ спать не хочется, я лучше посижу.

Реисена (*поднимаясь*). А я пойду прилягу, замаялась и ноги-то не держать. (*пошла и остановилась въ дверяхъ*). Коль что, ты позови меня.

Нина. Да, да, сейчасъ-же позову (*по уходъ Реисены, въ раздумьѣ*). Удивительно!.. И что такое?—

днем проснется, жаръ прошелъ, а говорить такое, что дѣлается страшно слушать.. «Жизнь противна, люди также». Да все разглядываетъ кося: сѣдыхъ полосъ въ ней щетъ? И раздраженная какая, ничѣмъ не угодншь

Няня тихо выходитъ изъ спальни Ашхены.

Нина (*увидя ее*). Что, спать?

Няня (*тихо*). Спать (*на цыпочкахъ подходитъ къ Нинѣ*). Я что скажу, чего они къ ней лѣкарей нагнали!.. тутъ вся болѣзнь отъ глазу.

Нина. Полно, няня, что ты!

Няня. Не что ты, прямо съ глазу. Кабъ мнѣ позволили, такъ я бы вотъ какъ есть въ минуточку весь глазъ отворотила.

Нина. Да кто-жъ тебѣ мѣшаетъ?

Няня. Ишь ты!.. Поди-ка, сунься къ ней. Она меня какъ только что завидитъ, зашипитъ! зубами заскрежечетъ. (*плачетъ*). Точно не няньку увидала, а змѣю какую.

Нина. Няня, ты видишь,—она больна, раздражена, а ты къ ней съ разговорами, она и сердится.

Няня (*грозя ей пальцемъ*). Нѣтъ, нѣтъ, не говори!.. Я знаю, не отъ того. А это глазъ такой.

Нина. Какой?

Няня. Такой!.. Вотъ тотъ, который глазилъ, знаетъ, что я весь глазъ, какъ есть, сейчасъ-же на него оборочу, онъ ей и даль запретъ при глазѣ, чтобы меня не допускала.

Ашхена (*выходитъ, худая, блѣдная, глаза юрлятъ*).
Нина и Няня увидѣли ее вмѣстѣ).

Нина. Хене!..

Няня. Ахъ, батюшки!..

Ашхена. Чего вы испугались?

Нина (*мяко, но укоризнено*). Да, какъ-же, Хене!.. Вѣдь лѣкарь запретилъ тебѣ вставать съ постели, а ты въ другую комнату выходишь.

Ашхена (*насмѣливо*). Запретилъ?.. Ахъ, что же и надѣлала!.. Лѣвѣръ запретилъ, а я вотъ вышла. (*нервно смѣется*). Еще умру, пожалуй!.. (*смѣется*). Вотъ бѣда то будетъ!.. (*продолжаетъ смѣяться*).

Нина (*тихо подходитъ къ ней и говоритъ ласково*). Не хорошо такъ говорить, ты знаешь, какъ всѣ огорчены твоей болѣзнию. (*хочетъ обнять ее*).

Ашхена (*быстро отстраняется отъ нея и говоритъ рѣзко*). Оставь меня, не прикасайся!.. Ты не знаешь, въ кому ты прикасаешься. А если стану говорить, то ты, отецъ и мать и ваши лѣкаря, всѣ будутъ увѣрять, что больна, что у меня горячка, что я въ бреду. А я желаю для вашей пользы, чтобъ всѣ болѣли также. Слушай въ послѣдній разъ: я не больна, а такъ здорова, какъ никогда, но я познала, что такое жизнь. Я стану говорить покойнѣй, чтобъ ты не думала, что я въ бреду. (*нянькѣ, рѣзко и отрывисто*). Нянька, выйди вонъ, ты мнѣ мѣшаешь.

Няня (*торопливо*). Иду, сейчасъ иду. (*въ дверяхъ*). О, Господи!.. (*ушла въ спальню Ашхены*).

Ашхена. Нынѣшнюю ночь я первый разъ взита была въ пространство. И тамъ въ лазури чудной неба я приняла тотъ видъ, который не нынче—завтра долженъ стать моимъ удѣломъ. Я поражена была моею красой и свѣтомъ, какого вы не знаете!.. Нѣтъ на землѣ такого свѣта, не можетъ мрачная, ничтожная земля создать его. Былъ теплый, теплый вечеръ, когда вспорхнули мы и тихо отдѣлялись отъ земли и понеслись по волнамъ прозрачнымъ воздуха; и нашимъ дивнымъ свѣтомъ освѣтили ихъ могучее, глубокое дыханье. И такъ все возносились выше, выше! — а волны безкопечныя, играя съ нами, причудливо цвѣта мѣняя, — какимъ-то ароматомъ нѣжнымъ намъ насыщали души. Но мой вумиръ, котораго люблю и безпрѣдѣльно,

меня все дальше, дальше несъ въ пространство и вотъ: миллионы блестящихъ разноцвѣтныхъ огоньковъ меня, владычицу пространства, окружили. Но мой могучій свѣтъ затмилъ и залилъ все пространство!.. а это—все—бонца, начала не имѣеть. И такъ ночь цѣлую послалась я. И въ упоеньи, съ гордостью царицы, взирала на восторгъ и радость цѣлыхъ сонмовъ богинь, которыя меня встрѣчали и преклонялись предъ моей красой и свѣтомъ. Что чувствовала я.... не передать словами, ихъ нѣтъ для объясненья. Пойми ты, Нина, что значить жизнь. Земля-же ваша—клетка, заздня,—и чѣмъ скорѣй мы вырвемси изъ клетки—тѣмъ лучше. Еще скажу: спасайся, пока полна ты жизни, не доживай до старости, не дожидайся смерти, чтобъ отъ красы твоей осталась горсточка земли. Скажи мнѣ слово—и я сегодня же возьму тебя подъ покровительство мое и ты познаешь все!..

Нина (*не желая противорѣчить*). Да, да, я подумаю... нельзя-же вдругъ рѣшиться, я... подумаю....

Ашхена. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, и думать некогда. Если другу моему удастся одолѣть разставленныхъ сѣти, которыя ему мѣшали взять меня съ собой, и нынче выпорхну изъ клетки и можетъ быть сегодня эта ночь послѣдняя для насъ. И легкимъ облачкомъ я вознесусь туда!.. въ ту жизнь вичую, гдѣ бьютъ ключемъ одни восторги радости живой, могучей, вѣчной жизни. (*быстро идетъ къ двери спальни, маня за собой Нину*). Пойдемъ, пойдемъ со мной. Ужъ не далеко ночь. Я съ терпѣньемъ стану ждать его прихода. Пойдемъ, пойдемъ... (*видя, что Нина идетъ нерѣшительно*). Иди-же Нина!.. (*Скрылась. Нина со страхомъ уходитъ за ней*).

Няня (*быстро выкатилась изъ спальни*). И оттуда выгнала. Вишь я стара и стала ей противна.

Да что я за стара?—Въ мои года и замужъ выйти можно. Вонъ Тамула-конюхъ три года пристаесть: жениться хочеть. Да нейду за конюха: мнѣ низко. А то—стара и зубы плохи, лицо въ морщинахъ. А кто меня состарилъ? все ты-же, все черезъ тебя.

Реисена (*входя, говоритъ сама съ собой*). Не то спала, не то дремала... и сонъ, и мысли такъ смѣшались, что трудно разобрать, что сонъ, что мысль. Только хуже разломалась. (*идеть къ окну*). Никакъ подѣхалъ кто-то? (*Смотритъ*). Ну, слава Богу!.. (*отходитъ*). Наконецъ Манукъ вернулся. Охъ, что-то тамъ еще?

Манукъ (*подходитъ и здороваесть съ матерью*). Что, думала и я пропалъ?

Реисена. Да шутка-ли, четвертый день пошелъ.

Манукъ. Ну, что сестра?

Реисена. Все то-же, пожалуй, даже хуже. А что, нашель Авгара?

Манукъ. Нашель, да толку мало. Три дни мы бздили, туда-сюда, ну, нѣтъ нигдѣ, какъ точно провалился. Сегодня рано утромъ я опять отправился на поиски. Доѣхали до выстуна большого, гдѣ расходятся дороги. Однихъ направиль влѣво, другихъ направо, а самъ за выступъ завернулъ. Проѣхалъ недалеко—вижу, кто-то пробирается ко мнѣ навстрѣчу. Ну, кажется, я вижу хорошо, далеко, но я-бъ побился объ закладъ, что это не Авгаръ. Представъ себѣ: что отъ бешмета одни болтаются лохмотья, весь сгорбился, согнулся, какъ есть послѣдній нищій. Сталь онъ подходить—смотрю—Авгаръ! руки всѣ изрѣзаны, въ крови, а на ногахъ и пальцы всѣ наружи, кровь такъ и льеть.

Реисена. Господи помилуй!..

Манукъ. Я сталь спрашивать, — молчить и вижу, что ему разспросы неприятны. Немного по-

года, спросилъ меня: «А что Ашхева?» Я сказалъ, что ей все хуже съ каждымъ днемъ, потомъ прибавилъ: ты насъ забылъ совсѣмъ, ужель не хочешь поглядѣть и на невѣсту? А онъ: спасибо другъ, мнѣ некогда, когда управлюся, приду. Потомъ такъ странно и на него нисколько не похоже, сложилъ вдругъ руки, не то сказалъ, не то запѣлъ: «О горе, горе мнѣ!..» Я посадилъ его съ собой, привезъ къ отцу. Легъ онъ отдохнуть. А вотъ за часъ какъ мнѣ уѣхать—хватились, пѣтъ его, опять исчезъ.

Реисена (*плачетъ*). Да, истинно, что горе!.. Дума-ли—сыграемъ свадьбу, анъ выходить.....

Манукъ. А что отецъ не возвращается?

Реисена. Гляди, сейчасъ пріѣдетъ. Онъ прислалъ сказать, что лѣкарь будетъ завтра, а самъ вернется вечеромъ.

Манукъ. А Нина здѣсь?

Реисена. Здѣсь. Такая милая! боюсь только за-мается совсѣмъ. Три ночи сряду ни на минутку не отходить отъ нея. Какъ не взгляну, она все у постели.

Манукъ (*заминаясь*). Что... все также бредить?

Реисена (*утираетъ слезы*). Такъ-же. День ничего, а ночью жаръ такой, вся, какъ въ огнѣ, горитъ. Нѣтъ, видно Богъ прогнѣвался, бѣды не пронесетъ.

Манукъ (*грустно, едва сдерживаясь*). Что дѣлать, мама, на то и воля Божья.

Реисена. Что говорить. (*вслушиваясь*). Гляди, инекакъ подѣхалъ кто-то?

Манукъ (*смотритъ въ окно*). Отецъ пріѣхалъ. (*идетъ къ двери встрѣчать*).

Нарсесъ (*на порогъ*). Ну, что у насъ?

Манукъ (*тихо*). Плохо.

Нарсесъ (*идетъ грустный и садится*). А тамъ!.. все знаю. Сейчасъ къ Кодрату заѣзжалъ. И у него все хуже:—я дочь терю, а онъ сына.

Сильно вечерѣть.

Всѣ сидятъ грустные. Няннѣ стоитъ у дверей спальни Аилены. На порогѣ входной двери появляется Авгарь, блѣдный, худой, вообще перемѣна страшная. Всѣ поражены его приходомъ и видомъ.

Всѣ. Авгарь?!...

Авгарь. (слабымъ утомленнымъ голосомъ). Да...я... нашель, бого небаць.

Нарсесъ (тихо поднимаясь, не сводя съ него глазъ). Кого небаць?...

Авгарь (вмѣсто отвѣта поворачивается къ двери и говоритъ). Войдя, отецъ.

Всѣ. (Еще не видя кому онъ говоритъ). Отець?!..

Входитъ Отшельникъ. Всѣ удивлены еще больше.

Отшельникъ. Да, да... онъ мой сынъ духовный; трудомъ тяжелымъ порѣзалъ руки, ноги, освободилъ меня изъ плѣна. Не мнѣ, а Богу послужилъ... и онъ его помируетъ, спасетъ...

Реисена (опускаясь передъ старикомъ на колѣна). Старикъ!.. Спаси мнѣ дочь мою.

Отшельникъ. Богъ спасетъ... не человекъ... и не могу...

Реисена. Ты помолись!

Отшельникъ. Мы всѣ помолимся. Только... поздно... пришли спасать мы, поздно... Но будемъ вѣрить въ милосердіе Творца. Покорностью ему, любовью къ ближнимъ и неустанною тяжелою работою мы возвратимъ ее такой-же чистой, какою была. Она уснула. (Показывая на Авгара). Я съ нимъ пойду туда, а вы останьтесь здѣсь. (Реисена плачетъ. Ей:). Все въ волѣ Божьей... Плакать и жалѣть грѣшно. Его потеря овцы заблудшей!.. тяжеле нашей во столько разъ, во сколько мы всѣ малы передъ нимъ. (кланяется всѣмъ) Простите. (Всѣ отъходятъ поклономъ. Отшельникъ и Авгарь уходятъ въ спальню Аилены).

Реисена (*въ отчаянн.*) Нѣтъ, нѣтъ!.. Я знаю, ей живой не быть. (*Всѣ подходятъ къ ней. Нина вышла отъ Аилены и тоже подходитъ къ Реисенѣ.*)

Концеъ пятой картины.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Спальня Аилены. Совсѣмъ ночь. Горитъ слабый огонекъ. Аилена спитъ. Потомъ тихо входятъ Отшельникъ и Авгарь.

Отшельникъ (*у тахты.*) Еще рано, сынъ. Пускай ова уснетъ и передъ сномъ послѣднимъ соберетъ надломленные силы. Ты желалъ ее увидѣть, — и исполнилъ твое желанье.

Авгарь (*спокойно*). Отецъ... Когда все совершится, возьми меня съ собой.

Отшельникъ. Служить Творцу никто мѣшать не можетъ.

Авгарь (*такъ-же*). И научи меня ему служить, молиться.

Отшельникъ. Зачѣмъ учить?.. Не надо...

Авгарь. Службѣ и молитвамъ научи, которыми ты Богу возсылаешь.

Отшельникъ. Не надо...не надо... Все такъ ты знаешь... Всѣ знаютъ.

Авгарь (*утомленно, но спокойно*). Напомни мнѣ, скажи... Я очень утомился, не соберу и мысли...

Отшельникъ. Вотъ, вотъ... Она и есть. Меня спасая, трудился для нея... Для всѣхъ трудился такъ-же, вотъ и молитва.

Авгарь. Отецъ, мнѣ мало за мою вину?..

Отшельникъ. Нѣтъ вины превыше милосердія Творца.

Авгарь (*твердо*). Отсюда и съ тобой.

Отшельникъ. Она сейчасъ проснется. Уйди, Авагаръ. (*Авагаръ уходитъ*).

Ашхена (*открыла глаза. Вздвываясь*.) Кто здѣсь передо мной?

Отшельникъ. Дочь моя, спасенья часъ насталъ. Отъ слова твоего оно зависить. Твой женихъ трудомъ тяжелымъ и молитвой за тебя Всевышнему Творцу порвалъ разставленные сѣти. Слова жду я отъ тебя и въ немъ твое спасенье: ждешь-ли снасти ты жизнь свою?

Ашхена (*долго смотритъ на старика. Потомъ, тихо подымаясь, вздвывается*.) Прочь, прочь отъ меня!.. Не вамъ принадлежу!.. Люблю его, царица я!.. (*Падаетъ на подушки*).

Отшельникъ (*грустно*.) Скончалась. (*Снимаетъ плащъ и хочетъ покрыть ее*.) Покройся, бѣдна овецка, и грѣхъ содѣянный искупится любовью.

Чар-Оки (*вырываетъ плащъ и бросаетъ на полъ*.) Прочь!.. не прикасайся къ ней и на пути моемъ не становись. О! съ какимъ призрѣнемъ я смотрю на васъ. Вы, жалкіе рабы, ничтожнѣйшія твари, изъ праха созданы по прихоти природы, и смѣете еще познавшихъ истину мою, по-рабски увѣрять, что цѣпи, которыми вы скованы, тяжелый трудъ, болѣзни и страданья есть счастье на землѣ. Гдѣ разумъ вашъ, какой себѣ вы приписали? Гдѣ мудрость та, которой вы кичитесь? Вы презираете меня за гордость, а сами что? Зачѣмъ исѣ издѣвательства природы переносите съ такою стойкостью? Затѣмъ, что будете награждены вы тамъ, за тѣ лишенья и потери, которыя несете здѣсь и гордитесь этою обѣщанной подачкой. О!.. какое заблужденье, какой позоръ для разума. Рабы вы жалкіе, презрѣнные рабы, безъ мысли, завья и воли. Прочь отъ все!.. Прочь, жалкій рабъ, прочь, прахъ безсмысленный!.. Тебѣ не мѣсто тамъ, гдѣ царствуетъ разсудокъ.

Отшельникъ. Смирися, сатана, не торжествуй побѣды. Убилъ ты тѣло, но душой владѣть не будешь.

Чар-Оки. Не ты ли вырвешь то, что мнѣ принадлежитъ по праву? Такъ знай, что не тебѣ со мной бороться.

Отшельникъ. Творецъ намъ завѣщаль любовь. Твой новый путь къ погибели ее, который ты избралъ—губить души не можеть. Она завѣтъ Творца исполнила и полюбила.

Чар-Оки. Проклятая!.. Я побѣжденъ. О!.. Я ненавидѣлъ мѣръ и презиралъ всѣхъ тварей, но теперь и вся вселенная не умѣститъ заклокочавшей злобы!.. Кипитъ она, какъ до творенья міра кипѣла, а я живу и не погибъ еще. Такъ пусть разсыплются мѣры и каменнымъ дождемъ меня засыпать. Пусть волны океановъ вашихъ заляютъ меня, поглотить!.. Проклятье я посылаю и гибель всему, что вырвано изъ рукъ моихъ. (исчезая.) Проклятье! Проклятье!!.. (Исчезъ).

Отшельникъ. И на дѣтей земли благословеніе Создателя Вселенной за миръ, любовь и трудъ.

ДЛЯ ДОМАШНИХЪ
И
ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ
СБОРНИКЪ ПЬЕСЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Медвѣдь. Шутка въ 1 д. А. П. Чехова.

Предложенію. Шутка въ 1 д. А. П. Чехова.

Елка. Ком. въ 1 д. Влад. И. Немировича-Данченко.

Букетъ. Комедія въ 1 д. И. Н. Потапенко.

Молчаніе. Шутка въ 1 д. В. В. Билибина.

Школьная пара. Картинка въ 1 д. Е. М. Бабецкого.

Женская чепуха. Шутка въ 1 д. Ивана Щеглова.

Лѣтняя картинка. Шутка въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Наединѣ. Комедія въ 1 д. Л. Фульда.

Ирэнъ. Ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

Жорженька. Комедія-водевиль въ 2 д. Чека.

Въ слѣдующій разъ. (La Scène à faire). Сцена-монологъ въ 1 актѣ. Грене-Данкура.

Накавунѣ золотой свадьбы. Комедія-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера.

Женя. Этюдъ съ натуры въ 1 д. П. П. Гнѣдича.

Волшебный вальсъ. Шутка въ 1 д. съ пѣніемъ, Анатолія Шмидтгофъ. Музыка его же (съ приложеніемъ клавируса).

Цѣна 2 руб.

Для подписчиковъ на журналъ «Театраль», выписывающихъ непосредственно изъ конторы журнала «Театраль», 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ конторы журнала «Театраль» за пересылку не платятъ.

Между прочимъ, сборникъ рассказовъ А. П. Чехова, П. П. Гильдина, Т. Л. Щенниковъ-Кумерженки, И. Л. Шеллова, И. И. Потемкина, В. П. Гославскаго, В. М. Мухоморова (съ фотографическими выюточками и портретами авторовъ). Роскошное иллюстрированное издание). Надпись 2-е. Цѣна 80 коп.

Грезы, нов. изъ театрального быта, В. А. Салова Цѣна 1 р. 50 к.

Света мирская. Сборникъ рассказовъ В. А. Салова Цѣна 1 р.

Подъ лѣтнимъ небомъ, встрѣчи и впечатлѣнія. С. Н. Философа Цѣна 1 р.

Художники, очерки и рассказы В. М. Мухоморова Цѣна 1 р.

Убыль души.—Около истины. Дѣй поэты. И. Л. Шеллова Ц. 1 р.

Символъ дыму свѣта. 10 рассказовъ И. Л. Шеллова Ц. 1 р.

Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. А. Бимъ Ц. 50 к.

Будни. Очерки и рассказы Вячеслава Погожальскаго Ц. 1 р.

Воспоминанія автора А. А. Азюковскаго (съ двумя портретами). Ц. 1 р.

Золотыя розсыпи, романъ изъ 2-хъ частей, В. М. Мухоморова Ц. 2 р.

Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ В. М. Кабычкова, В. В. Билибина, П. П. Гильдина, Г. Н. Гроссера, Ва. И. Пемиронича-Дилчико, И. И. Потемкина, А. П. Чехова, А. М. Шмитлова, И. Л. Шеллова, Т. Л. Щенниковъ-Кумерженки и др. Ц. 2 р., для подшивки на „Театралъ“—1 р. 50 к.

Указатель 953 пьесъ для любительскихъ спектаклей, съ обозначеніемъ ролей во актѣ и нужныхъ декораций, состав. Н. Г. Леонтьевскаго Ц. 50 к., для подшивки на „Театралъ“ 25 к.

Устройство сцены для любительскихъ спектаклей, К. Н. Кузьмичскаго Ц. 50 к., для подшивки на „Театралъ“—25 к.

Сирень. 15 рассказовъ С. Н. Философа. Ц. 1 р. 25 к. (распродажа).

Драматическія произведенія Ва. Александрова. Т. I. (съ портретами автора) и Т. II. Ц. по 2 р., для подшивки на „Театралъ“—по 1 р. 50 к.

Яблочко отъ яблони (Lolo's Vater), ком. въ 3 д., Я. Асольца, переводъ Н. А. Кузьмина Ц. 50 к.

Выписывающіе непосредственно изъ редакціи журналовъ «Читатель» и «Театралъ» (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) за пересылку не платятъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Доставляемые въ редакцію сочиненія должны быть снабжены адресомъ автора. —Сочиненія, присланные въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными. —Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращенію и исправленію. —Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненій. —Обратная пересылка такихъ произведеній изъ авторовъ производится на счетъ авторовъ. —Сочиненія эти хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсецевъ, и затѣмъ уничтожаются; если же статья, объемомъ менѣе печатнаго листа журнала (32 стр.), храненію не подлежитъ.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые ярки. Отвѣты для редакціи не обязательны, хотя бы и были присланы ярки на отвѣтъ.

За перешію адреса указывается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ многогороднымъ подписчикамъ, которые прилагаютъ при высылкѣ почтовую—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журналовъ обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ номера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала не была получена. —Жалобъ должно быть сообщено въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 к. съ годового экземпляра. Кредита распродажѣ по доставленнымъ книжкамъ не допускается.

Новые подписчики могутъ приобретать полные комплекты журн.

«Читатель» за прош. года по подписной цѣнѣ (5 руб. безъ пересылки). Пересылка по разстоянію.

„ТЕАТРАЛЬ“

ВЫХОДИТЬ 50 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ каждой книжкѣ помещается одна пьеса по возможности современнаго репертуара одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ. Съ каждой книжкѣ прилагается

ПОРТРЕТЪ АРТИСТА, ДРАМАТУРГА ИЛИ КОМПОЗИТОРА.

Гг. подписчики въ теченіе года получаютъ:

50 драматическихъ произведеній и 50 портретовъ артистовъ, драматурговъ и композиторовъ.

Сверхъ того, въ программу журнала входятъ: а) Статьи по общимъ вопросамъ театра, б) Ремассерский отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) Очерки и рассказы, преимущественно изъ театральной быта, г) Современное обозрѣніе — критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) Корреспонденція, е) Хроника, ж) Библиографія, з) Справочный отдѣлъ, и) Ноты антрактовыхъ музыка.

Музыкальный отдѣлъ значительно расширенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ «ТЕАТРАЛЬ».

	На годъ.	На 1/2 г. (25 кн.)	На 1/3 г. (16 кн.)
Безъ доставки	7 р.	3 р. 50 к.	3 р. 50 к.
Съ доставкой и перес.	8 р.	4 р.	3 р.
На 1 тысячу съ дост. и перес. (4—5 кн.)	70 коп.		

За границу при пересылкѣ: европейскій банкнотами разъ въ мѣсяцъ 11 руб., американско 12 руб., казачій банкнотами — разъ въ мѣс. 12 руб., швейц. по 16 руб. Подписка на 1/3 г. принимается только съ 1 января, 1 мая и 1 сентября, а получательная только съ 1 января и 1 июля.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., а въ концѣ послѣ шестидесяти четырехъ книжекъ по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Подписки на истекшіе сроки не принимаются.

Отдѣльные номера «Театрала» по 1 руб. и по 2 руб.:

№№ 56, 57, 59, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 109, 111, 112, 133, 137, 139, 142, 151, 152.

№ 1 весь пропалъ.

Комплекты «Театрала» (безъ № 1) за 1895 годъ

продаются въ цѣнѣ по 10 руб. за экземпляръ, съ пересылкой 12 руб.

За 1896 = 97 гг. по 12 руб., съ перес. 14 руб.

Новые подписчики на «Театраль» получаютъ съ этой цѣны уступкой: 1895 г. по 8 и 10 руб., 1896 = 97 гг. по 10 и 12 руб.

При одновременномъ пріобрѣтеніи на мѣнѣ 10 экз. разныхъ №№ дѣлается скидка 20%, на мѣнѣ 10 экз. одного № — 30%.

„Театральная Библиотека“

ежемесячный журналъ. Подписная цѣна: безъ доставки на годъ — 3 руб., на полгода 2 руб., на 4 мѣс. — 1 руб., 50 коп., съ пересылкой на годъ — 4 руб., на полгода — 3 руб., и на 4 мѣс. — 2 руб. Подписка принимается только отъ подписчиковъ на «Театраль».

Цѣна отд. № «Театральной Библиотеки» — 1 р., томъ (4 книжки) — 3 р.

Книжки «Театр. библиотеки» прежнихъ лѣтъ продаются только отдѣльными книжками или томами.

Выписываніе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ «Театраль» принимаются съ платой за каждыя разъ 20 р. за страницу, 10 р. за полонку и 5 р. за четверть страницы.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ журнала «Театраль» (Москва, Страстной буль., д. Адельгейнъ), въ отдѣльныхъ конторахъ въ Москвѣ: при типогр. П. Г. Чулкова, уг. Б. Дмитровка и Оудаловцова ул., особ. д. при книжномъ магазинѣ «Трудъ» Тверская улица, у П. П. Печковской, въ Киевѣ, въ кнж. магаз. Издательского, въ Харьковѣ, — въ складѣ «Южная Края», въ Томскѣ и Иркутскѣ, въ кнж. магаз. Макушина и, кромѣ того, въ нижн. маг. Думнова, Карбышевкова, Подольска, Суворова, газетѣ «Новости» (СНВ, Б. Морская, 33), въ библиотекѣ Н. Волкова Семенова (СНВ, Троицкая, 6), въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра и въ Ростовѣ-и-Дону, Телеграфное Агентство. Для юга Россіи и для Восточн. и кавк. магазиновъ Е. П. Расолова въ Одессѣ.

